

ДЕЖ

ДЕЛОВОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№4 (15) 2006



www.ecomagazine.ru



Российский
нефтесервис:
как не пропасть
по одиночке

Недра в обмен
на членство в ВТО

Подходы
к отходам:
заплатить или
договориться

Бурятский
Куршевель

Избушка
на фенольных
ножах

БУРЯ В ПРУДУ

Тарас КАЛИНИЧЕНКО, доцент кафедры административного и финансового права МГИМО, кандидат юридических наук

Принято считать, что воды в нашем Отечестве умеренно, хватит на всех и на все времена. Но нельзя отделаться от ощущения, что речь идет о каких-то условных водоемах с условными запасами воды. Даже новый вариант Водного кодекса, вступающий в силу с 1 января 2007 года, был одобрен Советом Федерации с удивительным для законодательства новшеством — тоже условно...

Одновременно наши сенаторы в своем постановлении внесли принципиальные поправки — о запрете частной собственности на природные объекты жизнеобеспечения, — которые должны быть приняты до введения Кодекса в действие. Сам же проект жестко критиковался. Похоже, что тоже условно. Истинны ради заметим, что в условиях рыночной экономики и водного оборота отношения владения, пользования и распоряжения водными ресурсами — предмет частно-правового регулирования. Вместе с тем для их сохранения и надлежащего использования необходимы механизмы публично-правового характера с участием специально уполномоченных госорганов. Публичное право предполагает, во-первых, «субординацию всех субъектов водных отношений по схеме «власть — подчинение», преобладание в водных отношениях в качестве первичных способов воздействия обязываний и запретов и, наконец, императивность норм. Начнем с некоторых основных понятий Водного кодекса, прежде всего с объектов водных отношений. Сразу видны неувязки с терминами «водный объект» и «водный ресурс». В российской Конституции фигурирует совершенно самостоятельное понятие «водный ресурс», в которое вложено экономическое содержание. Это запасы воды, находящиеся в водных объектах. В преамбуле Кодекса определяются и «объекты» и «ресурсы», а дальше, в самом содержании, регулированию подлежат лишь отношения «по использованию и охране водных объектов (водные отношения)». Тем не ме-

нее понятие «ресурсы» имеет очень важное значение. По отношению к водным объектам и ресурсам могут возникать разного рода отношения. Собственность на них бывает и публичной (федеральной), и частной — на некоторые виды объектов. Например, водный ресурс, заложенный в водном объекте на праве федеральной собственности, — это понятно. А добытые государственным предприятием водные ресурсы в водозаборе в чью собственность переходят? В Кодексе этот вопрос практически не исследован.

Следующий момент связан с разграничением вод на подземные и поверхностные. В последние теперь включены болота, каналы, пруды и обводненные карьеры. Причем пруды и обводненные карьеры могут быть частными. При формировании нового реестра водных объектов встает вопрос о возможном изменении их статуса. Скажем, определенные озера могут «превратиться» в пруды, на которые распространяется режим частной собственности. Соответствующие технологии перевода у регистрирующих органов имеются, даже особых обоснований не нужно. С дополнительными видами объектов есть другие сложности. Включая их в Водный кодекс, следовало им дать достаточно четкие определения, учитывая, что они могут иметь смешанный правовой режим: с одной стороны — водный объект, с другой — водохозяйственное сооружение с природно-антропогенным значением. Все они имеют особую специфику, касающуюся и прав собственности. Что может получиться? Сначала все «записали» в водные объекты, а потом кто-то ска-

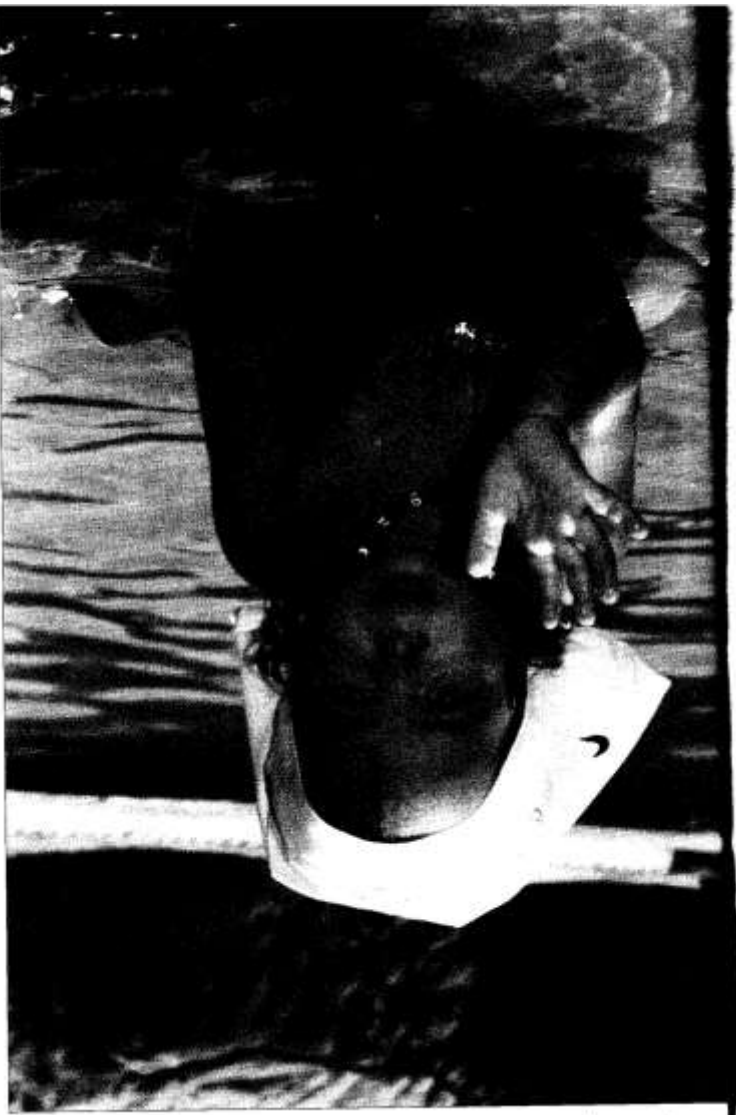
жет: это наша собственность, мы этот канал построили. И начнется перевод из водных объектов в водохозяйственные сооружения, которые в некоторых случаях могут принадлежать владельцу на правах частной собственности.

Споры у водозабора

Невооруженным взглядом видно, что нечетко определены многие аспекты, связанные с функциями государственного управления. В отношениях, регулируемых публичным правом, государство в лице органов власти выступает в качестве одной из сторон. Они обеспечивают учет водных ресурсов, ведение реестров, установление различных правовых режимов водопользования, регистрацию водных сделок, вводят всякого рода ограничения, лимиты водопользования, связанные с оборотом водных объектов и их водных ресурсов, и т.д. Однако в Кодексе масса пробелов. Например, основные ограничения частного с позиций общего сведены к схемам комплексного использования вод, не имеющих четкого правового статуса и ответственности за их выполнение. Так, одним из основных институтов природоресурсного права был водный кадастр. Теперь на смену ему приходит водный реестр, напоминающий реестры недвижимого имущества. До сих пор неясно, что это такое: какой его правовой статус, чем он отличается от кадастра. Становится очевидным, что развивать водный реестр не исключено, что он будет носить «кадастровый» характер как средство отмены капиталов путем манипулирования водными ресурсами и переступками прав водопользования. Это противоречит публично-правовым основам рационального использования и охраны водных объектов, делает неустойчивой всю систему частных водных прав.

Испокоен веков у нас развивался бассейновый принцип управления, служивший основой всей системы. В новом Кодексе он заменен так называемым бассейновым подходом.





Как будто бы очень либерально и даже открыто. Устанавливаются 20 бассейнов бассейнов, которые служат основой единой системы управления и контроля. Все это принимает участие в разработке. Но это не означает, что государство не имеет никакого отношения к этому процессу. Оно должно быть в курсе всего, что происходит. И именно поэтому государство должно иметь право на контроль и управление. Это не означает, что государство должно быть в курсе всего, что происходит. И именно поэтому государство должно иметь право на контроль и управление.

«Что око самое водонепроницаемое»

Теперь о контроле и надзоре. Государственный контроль — важнейший элемент управления. Он должен быть эффективным и прозрачным. Это не означает, что государство должно быть в курсе всего, что происходит. И именно поэтому государство должно иметь право на контроль и управление.

Теперь о контроле и надзоре. Государственный контроль — важнейший элемент управления. Он должен быть эффективным и прозрачным. Это не означает, что государство должно быть в курсе всего, что происходит. И именно поэтому государство должно иметь право на контроль и управление.

Теперь о контроле и надзоре. Государственный контроль — важнейший элемент управления. Он должен быть эффективным и прозрачным. Это не означает, что государство должно быть в курсе всего, что происходит. И именно поэтому государство должно иметь право на контроль и управление.

Теперь о контроле и надзоре. Государственный контроль — важнейший элемент управления. Он должен быть эффективным и прозрачным. Это не означает, что государство должно быть в курсе всего, что происходит. И именно поэтому государство должно иметь право на контроль и управление.

Теперь о контроле и надзоре. Государственный контроль — важнейший элемент управления. Он должен быть эффективным и прозрачным. Это не означает, что государство должно быть в курсе всего, что происходит. И именно поэтому государство должно иметь право на контроль и управление.

Теперь о контроле и надзоре. Государственный контроль — важнейший элемент управления. Он должен быть эффективным и прозрачным. Это не означает, что государство должно быть в курсе всего, что происходит. И именно поэтому государство должно иметь право на контроль и управление.

Теперь о контроле и надзоре. Государственный контроль — важнейший элемент управления. Он должен быть эффективным и прозрачным. Это не означает, что государство должно быть в курсе всего, что происходит. И именно поэтому государство должно иметь право на контроль и управление.



ПАНОРАМА

**Бутылка из кукурузы.
Made in Italy**

Неразлагающиеся пластиковые бутылки – головная боль человечества. Итальянцы решили эту проблему. На международной конференции в Чернобоббио компания «Nature Works» представила экологически чистую бутылку. С виду она обыкновенная, но изготовлена из биоразлагаемой кукурузы. Для производства полулитровой тары нужно 65 грамм кукурузы вместо 0,027 литра нефти. Только Италия может сэкономить 200 млн литров нефти в год, избавив атмосферу от 320 тысяч тонн углекислого газа. На конференции было представлено много биопластиковых товаров из кукурузы, зерна и картофеля – тарелки и стаканы, мусорные мешки, пищевые контейнеры, детские игрушки, товары для животных. В Евросоюзе с 2010 года вступит в силу директива, по которой все пластиковые пакеты будут из материалов, разлагающихся в природной среде. А в России? Ведь когда-то мы пытались возделывать кукурузу даже за полярным кругом.

**Испания повернулась
лицом к солнцу**

Власти Испании обяжут застройщиков помещать солнечные батареи на все вновь возводимые и реконструируемые здания, сообщила министр экологии страны Кристина Нарбона. Новый технический регламент строительства вступит в силу с марта 2007 года. Солнечные панели на жилых зданиях должны обеспечивать нагрев 30-70% воды. Аналогичные нормативы есть также для торговых центров, больниц и других объектов. Новые стандарты обеспечат сохранение 30-40% электроэнергии для каждого здания и уменьшение выбросов углекислого газа на 40-55 процентов. Правда, запреты на строительство увеличатся на 8-12 процентов.

юридического лица. Необходимо обеспечить с помощью права выравнивание позиций в их взаимоотношениях, чтобы они не складывались односторонне в чью-либо пользу с существенным нарушением прав и интересов другой стороны. Это происходит, прежде всего, в договорах водопользования, когда один субъект – государство – определяет условия водопользования со своей позиции. Другой аспект возникает при купле-продаже водных ресурсов. Здесь до сих пор существует неясность в отношении водоснабжения. Забор воды происходит в порядке водопользования, а отношения водоснабжения характеризуются в гражданском праве как купля-продажа воды. Где происходит переход права водопользования в право собственности на воду?

Следующая сфера действия публичного водного права – государственные финансы. Раньше во всех кодексах финансирование предусматривалось. Строка в бюджете – какие-то минимальные деньги на то, чтобы хоть что-то где-то можно было сделать. Другой вопрос, что никогда этих денег не было, как всем прекрасно известно. Теперь некоторые полномочия в области водных отношений передаются от федерации ее

субъектам. В частности, предоставление в пользование расположенных на их территориях и находящихся в федеральной собственности водных объектов. Получается так: вода принадлежит федеральному центру, туда же отправляются и сборы за водопользование. Зато полномочия по охране объектов передаются регионам, которым ничего от этого не «перепадет». Хотя основное бремя поддержания водного режима и сохранности водохозяйственных сооружений лежит именно на них. Средства на осуществление полномочий должны предоставляться регионам в виде субвенций из федерального бюджета, но эта перспектива почему-то вызывает мало энтузиазма. Наверное, не слишком рассчитывают на их бесперебойное и своевременное выделение и опасаются, что отсутствие достаточного финансирования в области охраны и использования вод может привести к очень неблагоприятным последствиям. Теперь подумайтесь: а не правы ли сенаторы со своим ноу-хау в законодательстве? Многие в новом Водном кодексе действительно условно. Да и сами страсти вокруг него, видимо, тоже. Воды-то, как мы знаем, у нас в самом деле немерено... ☀

